

НАША АРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

Мы собирались выпустить газету 11-й армии в первый же день войны. Но события внесли поправку. Армия вынуждена была отходить на восток. Мы шли по дорогам Литвы, Западной Белоруссии, Северо-Запада России, вели бои, организовывали оборону, ликвидировали диверсантов, парашютистов. И только на территории Ленинградской области, в лесу у города Порхова, начали выпускать газету «Знамя Советов».

Первый номер газеты... Как драгоценнейшую реликвию незабываемого прошлого храню я этот маленький пожелтевший листок плотной, почти оберточной бумаги. В этом номере опубликованы материалы о беспримерном бое танкиста Найдина, уничтожившего колонну вражеских танков на узком дефиле под станцией Ионава, рассказано о славных делах пехотинцев, артиллеристов, напечатаны сводки Совинформбюро.

В те дни мы не получали центральных газет. И понимали, как важно в срок, регулярно выпускать «Знамя Советов». Ведь газета — это рупор партии, не только массовый пропагандист, но и организатор, ее с нетерпением ждали в частях на передовой. Поэтому политотдел армии с таким вниманием и требовательностью относился к нашей работе. Никогда не забуду члена Военного совета армии дивизионного комиссара И. В. Зуева, его заботливое отношение к нам. Случалось, сам Иван Васильевич рекомендовал для газеты темы статей.

Участник боев в Испании, за которые он был награжден двумя боевыми орденами, И. В. Зуев пользовался в войсках огромным и заслуженным авторитетом. Однажды во время оборонительных боев на подступах к Старой Руссе врагу удалось прорваться на фланг нашей армии. Отдельные подразделения дрогнули и начали отходить. Создалось критическое положение. Дивизионный комиссар Зуев по горящему мосту прорвался в Старую

Руссу и оказался на пути отступавших. Он остановил артиллерийскую батарею, собрал около сотни красноармейцев, командиров и повел их в контратаку.

В декабре 1941 года И. В. Зуев был назначен на другой участок фронта и на его место прибыл дивизионный комиссар С. Е. Колонин. Когда командующий армией генерал-лейтенант В. И. Морозов и член Военного совета выехали в 180-ю стрелковую дивизию для вручения наград участникам боя под деревней Пустынькой, они взяли меня с собой.

Семен Ефимович сказал:

— Постарайся написать как можно теплее, ребята совершили подвиг, о котором должна знать вся наша армия...

Для меня большая радость, что в числе многих дорогих друзей в этом сборнике участвует и гвардии капитан в отставке В. А. Храмцов, герой боя под Пустынькой, о котором я в то время опубликовал очерк в газете «Знамя Советов».

Семен Ефимович Колонин убыл от нас в 18-ю армию и там был членом Военного совета до разгрома фашистов под Новороссийском.

В лесу у деревни Иванково, под Старой Руссой, среди вековых елей и сосен мы построили шалаши и развернули работу редакции. На немудреных козлах стояли походные наборные кассы, стучала пишущая машинка. Каждый день мы отправляли в части свежие номера армейской газеты.

Прислали к нам пополнение. Однажды на попутных машинах в наш лес приехали батальонный комиссар Евгений Поповкин, назначенный начальником отдела пропаганды; старший политрук Максим Нечетов, мой старый знакомый; младшие политруки Петр Белый, Алексей Дарьенко и Евгений Петров.

Новички быстро втянулись в жизнь коллектива. И никого не удивило, когда однажды из политотдела дивизии, в которую уехал Максим Нечетов, сообщили, что, «находясь в подразделении во время боя, старший политрук

Б. А. Толчинский. 1943 г.

вел себя отважно, как подобает политработнику, коммунисту. Собирая материал для газеты, он принял участие в рукопашном бою с врагами». Когда Максим возвратился в редакцию, у него на груди висел немецкий автомат. Это был трофей, добытый в бою.

Женя Петров был немногословен. Обычно он уходил с рассветом и на попутных машинах отправлялся в части. Добродушный и спокойный, он сразу располагал к себе всех, с кем встречался. К вечеру он привозил маленькие, но чрезвычайно интересные заметки о подвигах бойцов, о солдатском быте.

Петр Белый, где бы ни появлялся, везде находил «земляков». Неважно, что «земляки» были уроженцами Дальнего Востока или Урала, Сибири или Туркмении: кубанский казак Петр Белый считал земляками всех интересных людей. То он рассказывал о своем попутчике, раненом солдате, не желающем ехать в тыловой госпиталь, то находил что-то новое в жизни зенитчиков, то восхищался мужеством летчиков.

Алексей Дарьенко был очень высокого роста. Петр Белый с лукавой дотошностью часто пытался выяснить, как он «ховаётся в щель». Однажды Петя придумал такую «байку»:

— Прихожу я в дивизию Штыкова, а в это время налет. Дывлюсь... Тю его! Ничего не понимаю! Две щели рядом, а между ними бугор. На бугре полевая сумка. Подхожу ближе, а это наш Олекса, — в одной щели ноги, в другой все остальное.

Флегматичный Дарьенко только отмахивался от своего друга и, просительно обращаясь к нам, говорил:

— Да не слушайте вы его, он все выдумывает. И у штыковцев я сегодня не был...

Предметом всеобщей заботы была наша «индустрия» — старенький движок. С его помощью мы получали свет для наборщиков. Но движок часто выходил из строя, и тогда маленький черноглазый Мисько, проклиная все на свете, принимался за ремонт.

Их было двое — Мисько и Мусько. Мисько был механиком, начальником типографии. Мусько был радистом. Если по радио сообщалось о победе наших войск, Мусько становился самым популярным человеком в редакции: к нему приходили в гости поговорить о новостях, угощали табаком, давали ему место в столовой поближе к раздаче и вообще окружали вниманием. Но горе было бедному Павлу, когда он, просидев ночь у трещащего ра-

диоприемника, записывал сообщение о том, что нашими войсками оставлен... Город или группа деревень были оставлены — неважно. Главным было то, что он принял недобрую весть.

Когда Совинформбюро сообщило о разгроме немцев под Москвой, ликование Мусько продолжалось добрый месяц. К нему приходили ночью. Боясь помешать, тихо сидели, пока он записывал передачу ТАСС. Худо было тому, кто позволял себе громко заговорить в это время. Павел неторопливо снимал наушники и сурово говорил:

— Прошу покинуть студию. Идет запись правительственного сообщения...

Юрий Корольков любил детей. Он всегда находил общий язык с ребятами прифронтовых деревень, умел беседовать с маленькими разведчиками, приходившими из-за линии фронта. Он знал, вероятно, всех «сыновей» полков, батальонов и батарей. Он несколько раз рассказывал в газете о маленьких героях и впоследствии написал книгу о юном партизане Лене Голикове.

С наступлением осенней распутицы, когда дороги превратились в реки непролазной грязи, мы перебрались в деревню Кувизино. И какой роскошью было для нас оказаться в теплой избе, спать на сухом полу, подстелив шинель и укрывшись плащ-палаткой!

В военную жизнь одни из нас втянулись раньше, другие — позже. Но некоторые так и не сумели постичь норм военной жизни. Штатскими до конца войны оставались наши писатели Аркадий Кулешов и Игорь Чекин.

Замечательный белорусский поэт Аркадий Кулешов, скромный, ласковый, сердечный человек, появился у нас вскоре после начала войны. Его родная Белоруссия была захвачена врагом. Аркадий всей душой рвался в родные леса, к партизанам. Он не знал, где его семья, и очень тревожился.

Он был оперативным газетчиком, стремился увидеть и услышать все, что может понадобиться в работе над стихами. Однажды молодой летчик лейтенант А. Я. Березин на «чайке» вел бой с тремя фашистами. Одного он сбил в лобовой атаке, второй вынужден был, дымясь, уйти за линию фронта. Но третий сумел нанести летчику смертельный удар. Аркадий видел этот бой, и на следующий день в газете было напечатано его стихотворение «Чайка», посвященное герою-пилоту.

Писатели и журналисты становились у нас мастерами на все руки. Писали очерки и рассказы, стихи и фельетоны независимо от того, к какому литературному цеху

они относились. Так у нас появился коллективный псевдоним — А. Корчетц. Это расшифровывалось следующим образом: А — Аркадий Кулешов, Кор — Корольков, Че — Чекин, Т — Толчинский и Ц — Цфания Кипнис. В таком содружестве мы писали фельетоны для нашей газеты. Но они, к сожалению, не привлекали того внимания, на которое мы рассчитывали. Необходим был новый поиск, потому что редакция все чаще и чаще получала письма с просьбой печатать о «смешном».

Душой всяческих затей был Юрий Корольков. В нем был неистребимый запас юмора. Он придумал полюбившегося фронтовикам бывалого солдата-разведчика, героя наших новых фельетонов, кого неизменно сопровождало присловье: «Здравствуй, бабка, я твой внук!» И даже через два десятка лет, услышав в телефонной трубке знакомые слова: «Здравствуй, бабка, я твой внук!», я не был удивлен. Говорил Аркадий Кулешов. Он приехал в Ленинград, где по его сценарию снимали кинокартину «Красные листья», и собирал у себя старых друзей...

В одной из немецких газеток мы однажды прочли: «Семья извещает о гибели на Восточном фронте обер-ефрейтора Ганса...» Стали фантазировать о том, как жил и погиб обер-ефрейтор. Вскоре он получил у нас подробную биографию. Цфания Кипнис, сидя на чурбаке, нарисовал портрет этого выдуманного Ганса и проиллюстрировал его хождения на фронте. Так родился наш Ганс, новый герой фельетонов. После первой публикации мы стали получать письма с просьбами продолжать фельетон.

Писать о злоключениях незадачливого ефрейтора с каждым днем становилось труднее. Нужно было не только «вспомнить», что могло случиться с горе-завоевателем в приильменском крае, но и «привязать» эти злоключения к тому, что происходило в эти дни на нашем участке фронта, или к событиям такого масштаба, как разгром немцев под Москвой.

Я уже говорил, что обычно фельетоны мы писали сообща. Но однажды очередное продолжение должен был сочинять один Игорь Чекин: остальные уходили в части. Он взмолился:

— Товарищи! Надоело мне возиться с этим фрицем. Он уже мне снится... Я хочу иметь дело с нашими людьми... Я уже неделю в частях не был...

К общему удивлению, «бунт» Чекину помог. На этот раз его освободили от «повинности». Очередной фельетон написали Аркадий Кулешов и Корольков. И тогда

началось состязание: каждый писал главу, пытаясь скрыть ее до выхода газеты. Чем необыкновеннее были ситуации, в которых оказывался Ганс, тем в более трудное положение ставился очередной автор. В конце концов Корольков, никого не предупредив, «тяжело ранил Ганса и его без ноги увезли в глубокий тыл». Карьера обер-ефрейтора на страницах газеты заканчивалась. Спустя некоторое время мы сообщили, что в госпитале Ганс скончался.

Сатирическую страничку «Вралище тарабахтер» — пародию на фашистскую газету «Фёлькише беобахтер» — мы выпускали раз в неделю. Чего только тут не было: прогнозы погоды, объявления, реклама, «сообщения с фронта», бахвальство о «подвигах»... Мы искали меткие солдатские словечки о гитлеровцах, записывали в блокноты услышанные частушки, сочиненные бойцами. Юмор этих страниц был крепким, издевательским и нравился воинам.

У каждого из нас был любимый род войск. Начальник отдела Николай Шванков, когда ему удавалось вырваться на передовую, стремился к артиллеристам. Он знал и любил артиллерию, его очерки всегда были полны интересных деталей о жизни батарей, огневых расчетов, прибористов. Петя Белый был влюблен в пехоту. С Максимом Нечетовым и молодым заместителем политрука Володей Авсянским он по неделям жил в блиндажах на передовой и отлично знал жизнь подразделений. Возвращаясь в редакцию, Петя вытаскивал из полевой сумки и карманов пачки записей. Горе было тому, кто пытался «пробиться на полосу» раньше Белого. Он доказывал, убеждал, что его герои достойны первоочередного признания.

Алексей Дарьенко уходил в части вместе с Женей Петровым. У какого-нибудь «хозяйства» их пути расходились. Петров чаще шел к разведчикам, а Дарьенко в медсанбаты. Мы добродушно подшучивали над его любовью к медицине, но Дарьенко и в самом деле умел профессионально рассказывать о подвигах врачей, медсестер, санитаров, об их самоотверженном труде.

Я любил летчиков. Мне нравились бессонные ночи на аэродромах, когда самолеты взлетали, скрываясь в черном небе. Вместе с техниками я тревожно ждал возвращения экипажей. У меня было много друзей. И каюсь, я тоже требовал первого места на газетной полосе, чтобы рассказать об очередном бое Ивана Чулкова или Ивана Холодова, о подвигах Владимира Луцкого и Александра

Федорова, мстивших фашистам за гибель своего боевого друга Володи Микояна. Не случайно вскоре я оказался в авиационной части.

Не всегда удавалось вернуться в редакцию в назначенный срок. Часто случалось так, что мы приходили в часть, а там готовилась смелая вылазка или ночной поиск разведчиков. Как тут уйдешь? Ясно, что нужно было дожидаться исхода боевой операции, записать дышащие боем и подвигом рассказы ее участников, или поговорить с пленным. Случалось, что пойдешь на один день, а застрянешь на двое-трое суток...

Вероятно, кто побывал на войне, в глубине души бережет желание вернуться в те места, где воевал, посмотреть, как теперь живут люди на бывшей линии фронта. Мечтал об этом и я.

Через несколько лет после войны мне удалось побывать на Новгородчине, поехать по деревням, селам, посетить Старую Руссу, Новгород. И конечно, я был в Кувизине, где в первые месяцы войны стояло «хозяйство Фарберова» — редакция газеты «Знамя Советов».

От Лутовенки до Кувизина попутных машин не было. Рейсовый автобус должен был прийти через час, и я пошел пешком по знакомой дороге, петляющей по косограм. Налетевший дождь, прямой, крупнокапельный, сопровождал меня до самой деревни. Он прекратился так же внезапно, как и начался. Это было знакомо: здесь такие дожди не редкость.

«Та ли это деревня, не ошибся ли?» — засомневался я, видя новые дома.

Но вот, кажется, этот...

Вхожу. Навстречу из-за стола поднимается женщина. Смотрю на нее и, чего греха таить, волнуясь. Здравуюсь.

— Хозяйка, помните, в начале войны у вас жили военные, журналисты?

— Как же, помню! Жили!..

Женщина смотрит на меня внимательно.

— А меня не узнаете?

— Вроде знакомы, а только вот... бороды нет, — еще неуверенно говорит она. И бросается ко мне. — Ой, милый ты мой! Крестный! Борис!..

— Я самый, Надя.

— Живой! Постарел ты сильно.

Мы обнялись, не скрывая радостных слез.

Надя Степанова была хозяйкой дома, в котором нам довелось жить зимой 1941/42 года. Она проводила на

войну мужа, колхозного бригадира, и осталась с двумя сыновьями, ожидая третьего ребенка.

Коля, наш любимец, трехлетний толстячок, был старшим, за ним — годовалый Витя, а наш общий «крестник» Саша родился в горячие дни боев под Старой Руссой. На пеленки ему мы тогда собрали только что выданные зимние портянки, отдали матери сахар, «шоколадные кубики» — было такое лакомство. Теперь Саша заканчивал службу в армии, Коля был на целине, а Витя учился в техникуме на механизатора. Всех троих вырастила солдатская вдова Надежда Степанова, колхозная телятница.

Юрий Корольков, Аркадий Кулешов и Николай Шванков жили в те времена у Ивана Семеновича Семенова. Иван Семенович, кряжистый высокий старик, теперь на пенсии. Сын его, подполковник, служит на Дальнем Востоке. А в годы войны он был лейтенантом артиллерии. Мы ему письма писали...

Ходили мы со стариком по деревне, откуда началась наша дальняя дорога на запад, и радостно было, что хорошо живут люди в дорогих сердцу местах.

Когда вернулись в дом, обойдя почти отстроенную заново деревню, Иван Семенович показал на старый сундук и спросил лукаво:

— А помнишь, как Аркаша-то на нем стихи писал?

Действительно, примостившись на этом старинном кованом сундуке, в те военные дни Аркадий Кулешов писал стихи, сначала на родном белорусском языке, а потом сам себя переводил. Не было для него большей радости, чем услышать в политотделе, что на митинге в 84-й стрелковой дивизии один солдат перед боем сказал: «Как пишет наш поэт Кулешов, так и мы мстим врагу — „за ту неубранную рожь, которой нет дороже!“»

Все это происходило здесь, в Кувизине, здесь был наш дом. Отсюда мы уезжали, а вернее уходили в командировки: передний край был в нескольких километрах. Сюда возвращались с исписанными блокнотами, полные впечатлений от встреч с замечательными людьми передовой.

Были и другие деревни и села, в которых мы жили, ночевали, отогревались на длинных дорогах войны... Но Кувизино осталось самым дорогим и памятным местом...

...Лежит передо мной старый, потрепанный комплект армейской газеты «Знамя Советов». Уже в который раз я перечитываю заметки, статьи, очерки, и передо мной встают люди, о которых мы писали. Многие из них погибли за Родину. Я вспоминаю товарищей, считавших

честью для себя написать об их подвигах. И нет большей радости сейчас, в мирные дни, как встретиться со старыми друзьями по войне. Фронтная дружба, проверенная годами испытаний, никогда не забудется.